

— Господин Сун, — позвал его Чжоу Цзимин. — Уже поздно. Неужели ты собираешься мыться вместе со мной?

Сун Най глянул на него сердито и быстро зашел в ванную.

Брови Чжоу Цзимина сходились всё сильнее, душу его переполняло раздражение.

Когда Сун Най вышел, Чжоу Цзимин уже застелил диван. Чжоу Фу принес тонкое одеяло. Чжоу Цзимин переживал, что рана Сун Ная может воспалиться, поэтому включил кондиционер, который сам не любил, поддерживая в комнате прохладу.

Одежда Чжоу Цзимина была велика и висела на Сун Нае мешком. Он подвернул рукава и штанины, но это всё равно не скрывало разницу в их комплекции.

Чжоу Цзимин, не отрываясь от книги и не поднимая головы, произнес:

— Ты спи на кровати.

Сун Най хотел что-то сказать, но Чжоу Цзимин встал, взял сложенную рядом пижаму, бросил:

— Отдыхай, — и, опустив голову, направился в ванную.

Сун Най был смертельно уставшим, у него не было сил размышлять. Он посмотрел на кровать, потом на диван и в итоге решил не занимать хозяйское место. Сняв обувь, он забрался на диван, и сон накрыл его мгновенно. Вскоре Сун Най уже крепко спал.

Так как правую руку Чжоу Цзимин мочить нельзя, мыться он долго. Когда он вышел, Сун Най уже спал сном праведника.

Чжоу Цзимин смотрел на Сун Ная, свернувшегося на диване, и снова разозлился. Почему этот человек всегда такой упрямый! Диван такой маленький, он что, собирается всю ночь спать, сжавшись в комок?

Как он может быть таким упрямым? Как он вообще...

Чжоу Цзимин подошел к нему и присел на корточки. При свете лампы он внимательно разглядывал лицо Сун Ная, открыто и без стеснения.

Во сне Сун Най выглядел беззащитным, дистанция исчезла. Он казался таким мягким и таким доступным.

Почему, если этот человек прямо здесь, в его доме, и можно просто протянуть руку и коснуться его щеки, ему все так же кажется, что тот бесконечно далеко?

Сун Най...

Чжоу Цзимин без конца повторял про себя это имя, словно веря, что если бубнить его достаточно долго, Сун Най раскроет перед ним душу.

— Сяо Най... Сяо Най... Сяо Най!

Сун Най смутно слышал, что какой-то незнакомый голос зовет его, используя совершенно новое обращение. Человек был близко, но голос был чужим.

Кто это...

Сун Най медленно открыл глаза и увидел перед собой доброе лицо с улыбкой.

— Ты проснулся?

Этот человек... Кажется, я его видел... Когда же... А... Вчера... Вчера? Вчера!

Сун Най мгновенно сел и быстро моргнул, пытаясь разогнать туман в голове.

— Т... тетя, доброе утро...

— О, доброе утро. Я и сама не хотела тебя сейчас будить, но Цзимин перед уходом сказал, что тебе нельзя голодать. Вот я приготовила завтрак и разбудила тебя, поешь, а потом снова ляг спать.

— Спасибо, тетя... Я уже встал, спать не буду...

Фэн Цзе было невозможно оторвать взгляд от Сун Ная, он был таким воспитанным и опрятным, таким непохожим на ее грубоватого сына.

— Офицер Чжоу... Цзи... Цзимин уехал? — Сун Най сбросил одеяло, соскочил с кровати и торопливо начал натягивать обувь. Движение было слишком резким, он потянул рану, и по спине пробежал холодный пот.

— Да, уехал на рассвете. Папа тогда во дворе зарядку делал, сказал, что в деле появились новые зацепки. — Фэн Цзе говорила это, собирая пижаму Чжоу Цзимины с дивана.

Сун Най потрепал волосы и, глядя, как Фэн Цзе убирает на диване, вдруг вспомнил: ведь вчера же он спал на диване... Наверное, Чжоу Цзимин переложил его на кровать, а он спал так крепко, что даже ничего не почувствовал...

В душе возникло странное чувство, словно легкое перышко коснулось сердца и вызвало щекотку.

— Кстати, Сяо Най, Цзимин положил тебе новую зубную щетку в ванную. Умойся и приходи есть.

Фэн Цзе прижала к себе пижаму сына и пошла к двери, бормоча под нос:

— И кто знает, надолго ли он уехал на этот раз.

В комнате повисла тишина. Только теперь Сун Най заметил, как хорошо освещена комната Чжоу Цзимины. Утреннее солнце падало сквозь окно косыми лучами, застилая кровать. Диван был темно-коричневым, темно-коричневым был и столик перед ним. Солнечный свет играл на их поверхности, создавая чудесную картину. Казалось, комната была наполнена солнцем до краев, в ней было тепло и уютно.

Чжоу Цзимин уехал рано утром и не стал его будить.

Сун Най достал телефон и проверил: никаких сообщений.

Он ничего ему не сказал, но всё устроил...

Сун Най горько усмехнулся. Он привел кровать в порядок и направился в ванную.

Когда Сун Най захотел переодеться, он обнаружил, что вчерашней одежды нет. Стоит ли звонить Чжоу Цзимину и спрашивать, куда он её дел? Выкинул или... постирал?

— Сяо Най, каша остывает, скорее иди завтракать! — весело окликнула Фэн Цзе из главного дома.

— И... иду!

Ему казалось диким сидеть за одним столом с родителями Чжоу Цзима, одетым в его вещи. Это чувство было настолько сильным, что ему хотелось сбежать отсюда сломя голову.

— Иди-иди, садись рядом! — Увидев, что Сун Най нерешительно топчется у двери, Фэн Цзе радушно махнула ему, усадила, налила миску каши с овощами и мясом, сунула ему палочки и ложку. — Цзимин сказал, что тебе нельзя жирного, так что я сварила кашу. Утром скупила баоцзы, но было слишком рано, рынок еще толком не открылся, так что, Сяо Най, не обижайся, кушай что есть, а в обед я приготовлю что-нибудь повкуснее.

Рука Сун Ная замерла.

— Т... спасибо, тетя. Я... Я сейчас уйду, не стоит утруждаться. Я уже очень благодарен за то, что вы накормили меня завтраком.

— Да что ты! Я сейчас пойду на рынок, куплю курочку...

— Я же говорила, старая, у молодых людей куча работы, зачем ты его здесь удерживаешь! Ну просто... — Чжоу Фу перебил жену и откусил кусок ютяо.

— Ты, старый пень, как можно говорить такое при ребенке!

— Ладно тебе, старуха. Если он тебе так нравится, тогда пусть Цзимин приведет его еще раз поболтать, так ведь, брат Сун?

— Да, тетя, я... я еще приду беспокоить вас.

— Ох, да какой там «беспокоить», приходи, если захочешь, только приходи. И тебе скажу... — Фэн Цзе не успела договорить, как зазвонил телефон. Она взглянула на экран. — Смотри, точно он, спрашивает, проснулся ли ты.

— Алло, сынок! Встал? Поел, поел, ага, знаю. А, одежда? Да, ладно, не переживай, всё в порядке!

Сун Най не спеша прихлебывал кашу, невольно прислушиваясь к тому, что говорит человек в трубке.

— Всё передал? Тогда моя очередь: когда ты вернешься? Есть время? А когда у тебя бывает время? Ладно-ладно, не ной и не отпрашивайся от пустяков, восьмого числа следующего месяца, помнишь, какой это день? Помнишь? Тогда приезжай ужинать.

Сун Най не знал, какой день восьмого числа следующего месяца. Он увидел, как Чжоу Фу хлопнул Фэн Цзе по плечу опухалом.

— Ты меня за что бьешь? — Фэн Цзе косо посмотрела на мужа и продолжила говорить с

телефоном. — Твой папа ничего не говорит, но на самом деле надеется, что ты вернешься. Не забудь! Хорошо, хорошо, ладно, работай, ага, знаю! Пока!

Фэн Цзе положила трубку и уставилась на Чжоу Фу.

— Ты только притворяешься, что не хочешь, чтобы сын приезжал, а я-то вижу, как ты в этот день вечно шляешься к выходу из переулка. Я знаю твои мысли.

Чжоу Фу сделал глоток каши.

— Слишком много ты болтаешь.

— Посмотри на твоего дядю, захочет чего-то, а прямо сказать не может, сам себе голову морочит, гордость не позволяет. — Фэн Цзе переложила баоцзы в миску Сун Ная. — Цзимин тебя очень ценит. Половину разговора он занимался твоими делами.

— Как... какими делами? — Сун Най откусил баоцзы, не смея поднять голову. Он чувствовал, что Чжоу Фу сверлит его очень цепким взглядом.

— Спрашивал, проснулся ли ты, поел ли. Сказал, что на твоей вчерашней одежде была кровь — это к плохому, так что он её выкинул. И велел тебе идти в его одежде.

<http://bllate.org/book/16876/1555625>